

Дмитрий Крутько

ХРОНИКИ

ЦЕРЬБЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТОМ 1

18+

Дмитрий Крутько
Хроники Цербера

«Автор»

2026

Крутько Д.

Хроники Цербера / Д. Крутько — «Автор», 2026

Он не мечтал о спорткаре за миллионы. Он взял старую вишнёвую «девятку», контрактный оппозитник от Subaru и гараж, где пахло бензином и оружейным маслом. Дима не гонщик. Он — студент «шараги», который работает на мясокомбинате, чтобы купить очередную запчасть. Вместе с лучшим другом Славой и девушкой-химиком Алиной он строит машину, которой не должно существовать: передний привод, триста сил под капотом, самодельное топливо и каркас, сваренный руками отца. Но за каждую ночную гонку приходится платить. Капитан Громов — бывший гонщик, потерявший друга на трассе, — объявляет на «Цербера» охоту. И когда ставки становятся слишком высоки, а город превращается в ловушку, Диме приходится выбирать: сдать или сжечь всё и начать сначала. Это история о том, что боевая классика — не про железо. Она про людей. Про тех, кто не сдаётся, даже когда мотор разорван, а в зеркалах — сине-красные огни.

© Крутько Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Крутько

Хроники Цербера

Глава

ХРОНИКИ «ЦЕРБЕРА»

Глава I: Пластик, бензин и свобода

Утро в колледже тянулось невыносимо, как густая патока. В аудитории стоял специфический запах — едкая смесь хлорки, старых реактивов и дешевого растворимого кофе из автомата. Преподаватель по аналитической химии, сухой старик с вечно дрожащими руками, монотонно вещал о методах титрования.

— Записываем формулу расчета точки эквивалентности, — бубнил он, царапая мелом доску. — Молярная концентрация исследуемого раствора равна...

Его голос усыплял лучше любого снотворного. Для меня эти формулы были лишь белым шумом. Я сидел на задней парте, вжавшись в жесткий стул, и смотрел в окно. Там, за пыльным стеклом, сиял сухой апрельский асфальт. Солнце припекало по-особенному, высушивая последние лужи, и я почти физически чувствовал, как город прогревается, готовясь к сезону.

В кармане джинсов грел ногу свежий кусок пластика. Я то и дело запускал туда руку, касаясь пальцами идеально ровных краев водительского удостоверения. Эта карточка далась мне кровью, нервами и литрами пота.

— Дима, может, пересядешь поближе? — не выдержал препод, заметив мой отсутствующий взгляд. — Титрование — основа анализа, между прочим.

— Я всё слышу, — соврал я, не оборачиваясь.

Вспомнился инструктор из автошколы — Палыч, настоящий садист в засаленной кепке. «Куда ты прешь, камикадзе?! Тормоз! Тормоз, я сказал!» — орал он, вдавливая дублирующую педаль в пол так, что я едва не бился лбом о руль. «Руки у тебя — крюки! Такие, как ты, только самокаты водить могут!» Но я сдал. С первого раза. Назло его прогнозам.

Когда прозвенел звонок, я сорвался с места первым, едва не сбив старосту в дверях.

— Пожар, что ли? — буркнул он мне вслед.

— Хуже, Леха. Свобода, — бросил я через плечо.

Домой я не шел — летел. Взлетел на свой этаж, перепрыгивая через две ступеньки. В прихожей было тихо, только мерно тикали старые часы. Батя сидел на кухне, пил крепкий чай и читал какую-то техническую газету. Он поднял на меня взгляд поверх очков.

— Чего запыханный такой? Опять зачеты хвостами висят?

— Сдал я всё, бать. Нормально всё.

Он хмыкнул, отложил газету и молча встал. Зашел в комнату и вернулся со связкой ключей на старом, потертном кожаном ремешке. Тяжелый металл звякнул, упав в мою ладонь. Ключи были холодными и пахли оружейным маслом.

— Твоя. Инжекторная, — коротко сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Смотри мне, Дима. Дурь в голове — это одно, а дорога — другое. Машина ошибок не прощает.

— Я понял, бать.

— Что ты понял? — он прищурился. — Ты думаешь, сел за руль — и всё, король дороги? Нет. Ты теперь за железо отвечаешь. За себя. За тех, кто рядом в салоне. Понял?

— Понял. Правда, понял.

Он кивнул, но взгляд оставался тяжелым. С самого детства он приучал меня к тому, что мужчина должен понимать технику. Гараж был моим вторым домом с пяти лет. Пока сверстники играли в приставку, я подавал ключи, оттирал мазут с деталей и учился отличать стук клапанов от гула подшипника. «Руки должны пахнуть бензином и металлом, а не дорогим парфюмом, — говорил он. — Запах бензина — это запах честной работы».

Я вылетел во двор. Она стояла в самом углу парковки, под старым тополем. Вишневая ВАЗ-2109. На солнце краска казалась почти кровавой. Я подошел медленно, как к дикому зверю. Провел ладонью по холодному капоту. Моя.

Вставил ключ в замок двери. Щелчок — и я внутри. Салон встретил меня родным запахом старого пластика, бензиновых паров и пыльной обивки сидений. Руль был тонким, в дешевой оплетке, но в моих руках он ощущался как штурвал истребителя. Поворот ключа — приборка вспыхнула контрольными лампами, под капотом зажужжал бензонасос. Короткий рывок стартера — и мотор отозвался ровным, бодрым урчанием.

Руки мелко дрожали от адреналина. Я тут же набрал номер, который знал назубок.

— Аллю? — голос Славы был сонным.

— Слава, просыпайся! Бросай всё! Гаси свои танки!

— Димон, ты чего орешь? У меня серверный рейд через полчаса...

— К черту рейд! Я с правами. Батя отдал ключи от девятки. Она под окнами, Слава! Инжекторная, живая! Ты слышишь этот звук?

Я поднес телефон к панели, давая послушать ровное урчание мотора.

— Ого... — в его голосе сонливость сменилась азартом. — Движок шепчет, как котенок. А кузов?

— Живой кузов. Без рыжиков почти.

— Почти — это как?

— Ну, пара точек на арках, но это ерунда.

— Ладно, — он шумно выдохнул, и я услышал, как он отодвигает клавиатуру. — Значит, «Цербер» выходит на волю? Так, я беру термос, набор головок на всякий случай и жду у подъезда. Сегодня ночью Ипподромка — наша?

— Наша, Слава. Полностью наша.

Я включил первую передачу. Машина мягко тронулась с места. Свобода пахла гарью и апрельским ветром, и я знал — эта ночь изменит всё.

————

Глава II: Первая кровь на Ипподромке

Выехать со двора сразу не получилось. Я еще минут десять просто сидел в салоне, привыкая к тугой педали сцепления и короткому ходу кулисы. В бардачке нашлась старая кассета с затертым техно — батино наследие. Я воткнул её в магнитола, и салон наполнил хриплый, механический бит.

Слава ждал у подъезда. Он стоял, прислонившись к железной двери, с огромным походным термосом в руках и старой сумкой через плечо, из которой подозрительно торчал накидной ключ.

— Ну и ну... — выдохнул он, запрыгивая на пассажирское сиденье. Машина заметно просела — Слава был парнем крепким. — Вишневая девятка, прямо как в песне. Выглядит бодрее, чем я думал.

— Я же говорил.

— Говорить ты горазд. А ты ее по кругу обошел? Подвеску смотрел?

— Успеем еще насмотреться. Поехали.

— Стоять, — он поднял ладонь. — У нас ритуал. Сначала заправка. Потом осмотр. И только потом — отжиг. Ты «Цербера» угробить хочешь в первый же вечер?

Я вздохнул, но спорить не стал. Слава в технике понимал куда больше моего, и я это знал. Мы заехали на «Газпромнефть» у Бердского шоссе. Я залил полный бак 95-го, чувствуя себя королем бензоколонки. Пока пистолет отщелкивал литры, Слава обошел машину по кругу, приседая у каждого колеса.

— Ну что там? — спросил я, вешая пистолет на место.

— Развал передних надо смотреть. Правое колесо домиком стоит.

— Сильно?

— На глаз — градуса полтора. И тормоза ватные, я по морде вижу, как она клюет при торможении. Но движок реально шепчет, Димон. Для стока — огонь.

— Значит, жить будет?

— Будет. Если ты ей сейчас движок не раскрутишь в отсечку.

Ночной Новосибирск встретил нас запахом сырой пыли и горьковатой свободы. Город в два часа ночи преобразается: исчезают пробки, стихает шум торговых центров, остаются только пустые проспекты и желтые глаза светофоров. Мы неспешно катили по Ипподромской магистрали. Слава разливал чай по крышкам от термоса.

— Нет, ты прикинь, — говорил он, прихлебывая, — через полгода мы ее соберем. Нормальную турбину поставим, мозги настроим. Вот тогда...

— Тише, — перебил я. — Слышишь?

В тишине родился звук, который невозможно спутать ни с чем. Агрессивный, рваный, раскатистый выхлоп «прямотока». В зеркале заднего вида вспыхнули яркие ксеноновые точки. Из-за поворота, закладывая опасный крен, пулей вылетела заниженная «семерка» и с ревом пронеслась мимо, обдав нас облаком несгоревшего бензина.

— Вот сука... — выдохнул Слава, провожая ее взглядом.

Моча мгновенно ударила в голову. Весь страх перед ГИБДД и наставления бати испарились в секунду.

— Слава, держись! — рявкнул я.

— Димон, ты чего? Димон, стой!

Но я уже утопил педаль в пол. Девятка отозвалась нервным рывком вправо — старая болезнь, «силовое подруливание» из-за разницы в длине приводов. Машину пришлось буквально ловить, вцепляясь в пластиковый обод руля до белизны в костяшках.

— Ты с ума сошел?! — орал Слава, хватаясь за дверную ручку. — Ты ее не удержишь! Развал кривой! Тормозов нет!

— Держу!

— Что ты держишь, нас колбасит по всей полосе!

Мотор натужно завыл, выкручивая передачи в звон. Расстояние до красных стоп-сигналов сокращалось. Метр, два, пять... Мы почти повисли у него на хвосте, как вдруг реальность ударила под дых.

Впереди, на темной обочине у развязки, внезапно ожили и замигали сине-красные вспышки. Патруль ДПС. Инспектор уже выходил из машины, вскидывая жезл.

— Тормози!!! — заорал Слава.

Я ударил по педали так, что подошва кроссовка чуть не проломила пол. Машина клюнула носом, резина жалобно взвизгнула, и нас потянуло юзом вправо. Я поймал руль, выравнивая траекторию. «Семерка» впереди даже не притормозила — ушла мимо патруля на полной скорости.

— Направо! В арку! Живо! — Слава указывал на узкий проезд между кирпичными домами.

Я выкрутил руль, вваливаясь в темный двор. Едва оказавшись в тени арки, я моментально вырубил фары и заглушил мотор. Тишина в салоне звенела, нарушаемая только нашим бешеным дыханием и металлическим шелканьем остывающего выхлопа. Через несколько секунд мимо, завывая сиреной, пролетел патрульный «Форд», преследуя ту самую «семерку». Синие блики на мгновение осветили наши бледные лица и вишневым капот.

Мы сидели в темноте еще минут пять. Первым молчание нарушил Слава. Он шумно выдохнул и медленно сполз по сиденью вниз.

— Ну ты и гонщик, Димон...

— Слав, я...

— Чуть права в первый же день не оставил! — он резко развернулся ко мне. — Ладно права! Нас бы вместе с девяткой на штрафстоянку закрыли! Ты батин разговор помнишь? «Машина ошибок не прощает»? Это вот про таких придурков, как мы сейчас!

— Но мы же ее почти догнали, — тихо сказал я.

— Что?!

— Почти догнали. Ты видел, как она на второй подхватила?

Слава смотрел на меня секунд десять. Потом вдруг рассмеялся — нервно, с надрывом.

— Ты больной, Димон. Абсолютно больной. У нас чуть права не отобрали, а ты про подхват на второй думаешь.

— Так подхватила ведь.

— Подхватила, — нехотя признал он. — Слушай, нам реально надо развал настроить. И тормоза. И подвеску перебрать. А уже потом за кем-то гоняться.

— Значит, завтра в гараж?

Он посмотрел на меня, и в его глазах, отражавших свет далекого фонаря, я увидел ту же искру, что горела во мне.

— Завтра в гараж. А сейчас давай выбираться тихими тропами, пока еще кто-нибудь не захотел познакомиться с твоим «пластиком».

————

Глава III: КамАЗовские сны и суровая реальность

Когда мы разъехались по домам, я не мог уснуть до утра. В ушах всё еще стоял натужный рев мотора. Стоковая девятка для обычного потока годилась, но там, на пустом ночном асфальте, она казалась беспомощной. Чтобы валить наравне с парнями вроде хозяина той «семерки», нужна была дикая, избыточная мощность.

Мозг, одурманенный бессонницей и остатками адреналина, работал на запредельных оборотах. Где-то к четырем утра в голове нарисовалась гениальная, как мне тогда казалось, идея.

Я залетел в гаражный бокс с горящими глазами и прямо с порога огорошил Славу, который уже ковырялся в дроссельном узле:

— Слава! Я всё придумал!

— Дай угадаю, — он даже не обернулся. — Ты не спал?

— Какая разница! Слушай сюда: нам нужна турбина от КамАЗа! ТКР-7. Дунем пару бар — и она у нас просто взлетит!

Слава замер. Очень медленно, словно в замедленной съемке, он отложил отвертку и повернулся ко мне.

— Что. Ты. Сказал.

— КамАЗовская турбина! Я на форумах читал — мужики на дизельные трактора ставят, а тут полтора литра инжектор! Мы переварим коллектор, выведем вестгейт, и всё — хана всем иномаркам!

Слава смотрел на меня с выражением глубокого, искреннего сочувствия. Как врач на тяжелобольного пациента.

— Димон...

— Что?

— Ты вчера тормозной жидкости вместо энергетика хлебнул?

— Да иди ты! Я серьезно!

— Я тоже серьезно. Подойди сюда. Вот смотри. — Он поднялся и подошел к верстаку, на котором лежал старый каталог запчастей. — Видишь габариты ТКР-7? Эта улитка размером с половину твоего моторного отсека. Куда ты ее пихать собрался? Вместо радиатора?

— Ну, мы подвинем...

— Что подвинешь? Радиатор на крышу вынесешь? Фары выкинешь? Бампер отпилим к чертям?

— Ну, можно подумать...

— А я уже подумал! — он начал загибать пальцы. — Первое: твои полтора литра выхлопными газами эту дуру даже с места не сдвинут. Ты будешь ловить турбояму размером с Марианскую впадину. Нажмешь на газ на площади Калинина, а наддув появится только у Речного вокзала!

— Ну...

— Второе! Когда эта бандура все-таки раскрутится до рабочих оборотов на пяти тысячах — а ей надо о-го-го сколько выхлопа, — избыток давления сделает так, что твои стоковые поршни стекнут в поддон серебряной лужицей!

— А если усилить...

— Третье! — он не слушал. — Шатуны выйдут погулять через чугунный блок, чтобы лично с тобой поздороваться! Прямо через педальный узел! Привет, Димон, мы твои шатуны, мы теперь тут живем!

Я молча сел на перевернутый ящик. Запал испарился полностью.

— Четвертое, — добавил Слава уже спокойнее. — Физику ты как собирался обманывать, дипломник?

— Я думал...

— Ты не думал. Ты мечтал. А машины мечтателей не любят. Они любят расчет.

Я молча смотрел на свои кроссовки, перемазанные графитовой смазкой.

— И что делать? — спросил я наконец. — Смотреть, как задние фонари чужих машин растворяются в темноте?

— Для начала, — Слава взял ветошь и начал вытирать руки, — мы поедем посмотреть, как делают умные люди. У которых машины реально едут, а не ломаются на первом же светофоре. Хватит теоретизировать по гаражам. Собирайся. Вечером едем на «Золотую Ниву».

—————

Ближе к одиннадцати вечера мы подъехали к огромной парковке у торгового центра. «Золотая Нива» была одной из главных точек сбора ночной тусовки Новосибирска. Воздух здесь был пропитан бензином, паленой резиной и запахом фастфуда из круглосуточной забегаловки.

— Ничего себе... — выдохнул я, оглядывая ряды машин. — Это что, девятый «Эвик»?

— «Эвик»-девять, — подтвердил Слава. — Раллийный снаряд. Турбо-два-ноль, полный привод. По грязи и гравию — король.

Рядом с «Эволюшеном» лениво покачивался на жесткой подвеске белоснежный Toyota Mark II в сотом кузове. Его рядная «шестерка» 1JZ-GTE тихо, басовито бурчала на холостых. Чуть дальше стояла матовая BMW E30 на широких разварках — было видно, что в старый немецкий кузов вложили целое состояние.

— И вот на этом фоне — мы, — пробормотал я, косясь на свою стоковую, слегка подгнившую по аркам «девятку».

— А ты что хотел? — Слава пожал плечами. — Они в свои корчи годами вкладывались. Причем не только деньги, но и голову.

Я припарковался подальше, в тени тополя. Выходить и светиться рядом со взрослыми машинами не было никакого желания. Мы вышли из салона и побрели вдоль рядов, разглядывая подкапотные пространства выставленных напоказ проектов.

— Смотри, у него портинг головы сделан, — Слава кивнул на открытый капот какой-то «двенашки». — Видишь, каналы расширены? Это вам не колхозная болгарка, это на станке...

— Эй, пацаны! — раздался голос за спиной.

Мы обернулись. К нам подходил коренастый парень в темной куртке. Я сразу узнал его — это был хозяин той самой «семерки» с ночной погони.

— Неплохо держался вчера для стока, — усмехнулся он, подходя ближе. — Я, кстати, Ромжан. Можно просто Рома. А вы, я так понимаю, та самая вишневая девятка?

— Она самая. Я Димон, это Слава.

— Слава... — Ромжан прищурился, глядя на моего друга. — Это не ты в прошлом году на «Змеинке» «БМВ» перебирал? Мотор с нуля собирал?

— Было дело, — кивнул Слава.

— Слышал про тебя. Говорят, руки золотые. — Он повернулся ко мне. — А ты, значит, пилот? Траектории держишь правильно, страха в глазах нет. Но давай честно — на этом моторе ты им всем на один зуб. До первого нормального прямика.

Я промолчал. Ромжан заметил мой взгляд и добавил:

— У тебя глаза горят, парень. Это хорошо. Но горящие глаза без нормального железа — это билет в один конец. Либо в кювет, либо на штрафстоянку.

— У нас бюджет не резиновый, — буркнул я. — Вот, думали турбину поставить...

— От КамАЗа? — внезапно спросил Ромжан и расхохотался, увидев мое вытянувшееся лицо. — Да ладно, не смотри так! Все через это проходят, все мечтают приколхозить что-то большое и дешевое. Дизельное железо на бензине не работает так, как тебе хочется. Тут законы другие, парень.

— А что тогда?

Он перестал смеяться и посмотрел на меня серьезно.

— В наших кругах либо строят машину по-взрослому — меняют сердце полностью, вкладывают душу, время и кучу бабок. Либо просто смотрят на чужие стопари и завидуют. Полумеры не работают, запомни. Хочешь прыгнуть выше головы — прыгай. Но с шестом.

— Свап? — тихо спросил Слава.

— Свап, — кивнул Ромжан. — Нормальный контрактный мотор. У меня у самого в «семерке» SR20DET стоит. От Nissan Silvia. Двести пятьдесят сил на заднем приводе — и это еще не предел, это база для настройки.

— SR20... — выдохнул Слава с уважением. — Дорогой, наверное?

— Всё стоящее стоит денег. Но можно найти варианты. Японские распилы, аукционы. Главное — знать, что искать и у кого брать. — Он похлопал меня по плечу. — Ладно, пацаны. Если надумаете — подходите, подскажу. И вот еще что — если снова на Ипподромку, предупредите. Там не только менты бывают, но и ребята посерьезнее.

Он развернулся и пошел к своей компании, оставив нас со Славой в полной тишине.

— Ну что? — спросил Слава, глядя ему вслед. — Думаешь?

— Думаю, — ответил я. — Что там за SR20 такой?

— Два литра, турбина, алюминиевый блок. По надежности — легенда. Но под «девятку» его пихать — это кузов перекраивать полностью.

— А что если не SR?

Слава резко повернулся ко мне:

— Ты про что?

— Я про «Субару». Оппозитник.

— EJ? — он присвистнул. — Ты понимаешь, что оппозит в ширину как весь твой подкапотный отсек?

— Значит, расширим подкапотный отсек.

Слава долго смотрел на меня, потом медленно улыбнулся.

— Ты больной, Димон. Но мне нравится ход твоих мыслей.

Глава IV: Эпоха «Ежа» и болгарки

Слова Ромжана про «смотреть на стопари» застряли в голове как ржавая заноза. Следующие полгода превратились в марафон на выживание. Я жил в режиме жесткой экономии и дикого графика: колледж, где на парах я на автомате чертил в тетрадах схемы подвески, затем подработка на разгрузке туш в мясном цеху, а оттуда — бегом в гараж до ночи.

— Ты на человека стал не похож, — сказал как-то Слава, когда я в очередной раз задремал прямо на верстаке. — Глаза красные, руки трясутся.

— Ничего, — отмахнулся я. — Скоро всё будет. Сколько там в банке?

— Сто двадцать три тысячи. Еще столько же — и можно брать контрактник.

— Еще столько же... — я потер лицо ладонями. — Где взять-то?

— Есть у меня одна мысль, — Слава замялся. — Помнишь, я той «БМВ» занимался? Ее хозяин сейчас новую машину строит, дрифт-корч. Ему моторист нужен. Платит хорошо, но работа сложная.

— Берись.

— Я и так в гараже ночую, Димон. Если еще и это возьму — домой вообще перестану приходить. Мать уже ворчит.

— Слав... — я посмотрел на него. — Ты же понимаешь, что без тебя я не справлюсь? Ни с поиском, ни со свапом.

— Да знаю я, знаю. — Он вздохнул. — Ладно. Беремся вместе. Ты на мясокомбинате, я на БМВ. Соберем бюджет.

————

Полгода спустя к воротам нашего ГСК подкатил потрепанный грузовичок транспортной компании. На деревянном поддоне, стянутый лентами, покоился он. Моя полугодовая доза бессонницы, отлитая в металле. Контрактный оппозитный двигатель EJ207 от Subaru Impreza WRX STI, привезенный с японского распила.

— Распаковывай, — тихо сказал я Славе. — Сам не могу — руки дрожат.

— У тебя уже месяц как руки дрожат, — ответил он, но без ехидства. — Это от усталости. Давай вместе.

Мы сдернули плотную пленку. В гараже повисла звенящая тишина. Два литра, турбина, алюминиевые ребра головок. Настоящий, легендарный «ёж». Мы просто стояли и смотрели на этот инженерный шедевр, который совершенно не вязался с блеклыми стенами нашего бокса.

— Сколько он нам обошелся? — тихо спросил Слава.

— Всё.

— В смысле — всё?

— В прямом. Всё, что было в банке, плюс я еще занял у парней с мясокомбината. До копейки.

В этот момент дверь гаража скрипнула. На пороге стоял батя. Он только закончил возиться со своей машиной и зашел проверить, чем мы тут занимаемся. Он подошел к поддону и долго, молча разглядывал широкие крышки оппозитника.

— Дима.

— Да, батя.

— Ты в курсе, что этот агрегат в ширину почти как вся твоя «девятка» от крыла до крыла?

— В курсе.

— Он сюда физически не поместится. Родной мотор стоит вертикально, а этот лежит плашмя. У тебя приводы упрутся в блок, а генератор вылезет через капот.

— Батя, мы лонжероны резать будем.

— Что?!

— И брызговики изнутри переваривать. Перенесем точки крепления, сдвинем рулевую рейку. Места хватит. Мы всё разметили по чертежам.

— По каким чертежам?!

— Из интернета. Там ребята уже делали такой свап. В Хабаровске, во Владивостоке. Это реально.

Батя молчал минуту. Потом снял очки, протер их и снова надел.

— Ты понимаешь, что если лонжероны поведет — машину можно будет выбрасывать? Что если сварка лопнет на кочке — ты даже не узнаешь об этом, пока кузов не сложится пополам?

— Поэтому я тебя и прошу помочь.

— О чем?

— О сварке. О геометрии. У тебя опыт, бать. Полуавтомат твой. Без тебя мы криво выставим, ты сам знаешь.

Он смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. Я думал, он сейчас развернется и уйдет. Но он молча подошел к верстаку, достал из металлического ящика массивную болгарку с новым отрезным диском и сунул ее мне в руки вместе с защитной маской.

— Режь.

— Бать...

— Режь, раз уж ума не нажил. Но предупреждаю сразу. — Он ткнул пальцем мне в грудь. — Если морда у этой девятки на первой же кочке сложится внутрь. Или колеса в разные стороны разъедутся. Или двигатель с опор сорвет. Я тебя в этом самом алюминиевом поддоне и похороню. Прямо вместе со всеми твоими японскими запчастями. Понял?

— Понял.

— Ни хрена ты не понял. Но поймешь. Включай болгарку.

———

Время потеряло смысл. Мы буквально поселились в гараже на целую неделю.

— Держи ровнее! — орал Слава сквозь треск сварки. — У тебя шов вправо уводит!

— У меня руки затекли! Дай передохнуть!

— Не дам! Положишь электрод — шов застынет криво, потом переваривать замучаемся!

Из-под болгарки фонтанами летели оранжевые искры, въедаясь в бетонный пол. Мы безжалостно кроили заводской металл передка, срезая старые крепления и освобождая место под широкие бока «ежа».

— Смотри сюда! — бая склонился над чертежом. — Вот здесь, где лонжерон уходит в моторный щит, нужна косынка. Треугольная. Из пятерки стали. Понял?

— Понял.

— Что ты понял? Размер косынки какой?

— Десять на десять?

— Пятнадцать на пятнадцать, с длиной катета двадцать! Иначе порвет, как бумагу! Слава, он у тебя что, геометрию в колледже прогуливал?

— Он всё прогуливал, дядь Вить! — отозвался Слава, не отрываясь от сварки. — Он химию и ту с третьего раза сдал!

— Вы мне давайте про химию не рассказывайте! — я перекрикивал шум болгарки. — Я этот мотор по распилу три месяца искал! Через весь интернет прополз! Это вам не формулы!

— Зато теперь ты химию на выхлопе изучать будешь! — рявкнул батя. — Слишком богатая смесь — прогорают поршни! Слишком бедная — детонация и дыра в блоке! Вот тебе и аналитическая химия, студент!

————

Страшнее всего была проводка. Японская «коса» от Subaru с кучей непонятных датчиков и толстых жгутов никак не хотела стыковаться с простой, как три копейки, русской электрикой ВАЗа.

— Не соединяется, — Слава смотрел на схему и тер покрасневшие глаза. — Вот эти два провода — они по цветам не бьются вообще. По японской схеме это питание датчика распредвала. По нашей...

— Может, напрямую к мозгу?

— Куда напрямую?! Ты что, хочешь, чтобы у нас форсунки в обратном порядке открывались? Чтобы поршни встретились с клапанами и пожали друг другу руки?

— А что делать?

— Думать. Дай мне полчаса и отойди, не мельтеши.

Я отошел в угол гаража и сел на перевернутый ящик. Слава третий час сидел на бетонном полу, обложившись распечатанными схемами, с паяльником в одной руке и тестером в другой. Вокруг него валялись обрезки изолянта, термоусадки и куски медных проводов.

— Есть! — вдруг заорал он. — Есть контакт, Димон! Я нашел! Вот этот фиолетовый с белой полосой — он на реле зажигания идет, а не на массу, как в вазовской схеме! Полярность другая!

— Получилось?!

— Получилось! Теперь вот эти три фишки надо перепиновать, и блок предохранителей перенести ближе к аккумулятору, и...

— Слава.

— Что?

— Ты гений.

— Я знаю. Отстань, мне еще реле бензонасоса подключать.

На седьмую ночь всё было кончено. Двигатель плотно сидел на новых опорах. Приводы встали на свои места. Радиатор кое-как втиснулся перед «телевизором». В бак был залит свежий 98-й.

Мы стояли у открытого капота — обессиленные, с черными от гари и мазута лицами, в прожженных искрами комбине зонах.

— Ну что... — тихо сказал Слава, держа наготове огнетушитель. — Либо сейчас всё полыхнет синим пламенем, либо мы сотворили историю.

— Ты в пожарном деле разбираешься?

— Я в моторном разбираюсь! А в пожарном — на уровне «хватай огнетушитель и беги».

— Обнадежил.

— Заводи давай.

Я залез в салон, который внутри так и остался прежней старой «девяткой» с высокой панелью. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы, перепачканные флюсом для пайки, легли на ключ зажигания.

— Давай, Димон! — Слава перекрикивал тишину. — Заводи!

Я выжал тугое сцепление и повернул ключ. Щелкнуло реле. В багажнике шумно и злобно загудел топливный насос Walbro, нагоняя давление в рампу. Я довернул ключ до упора.

Стартер сделал один тяжелый оборот. Второй. И на третьем обороте мотор схватил.

Бокс заполнился утробным, раскатистым «бу-бу-бу». Из кастомного выхлопа, выведенного прямо под крыло, вырвался сизый дым. По бетонному полу пошла ощутимая, тяжелая вибрация. Это был не жалкий звон вазовского мотора — это был басовитый, низкий рокот хищника, которому тесно внутри железной коробки.

— Работает... — прошептал я.

— Работает!!! — заорал Слава. — Ты слышишь, Димон?! Слышишь этот звук?!

Оппозитный неравноудлиненный коллектор выдавал свой фирменный, породистый бас, от которого закладывало уши. Где-то наверху в гараже что-то завибрировало и посыпалась пыль с потолка.

— Это не просто мотор, Димон! — кричал Слава, перекрикая рев выхлопа. На его грязном лице сияла белозубая улыбка. — Это голос войны!

Я вылез из салона на ватных ногах. Взглянул на бату, который всё это время стоял у дверей бокса, скрестив руки на груди. Он смотрел на прыгающую стрелку тахометра. На то, как мелко вибрирует весь кузов. На наши счастливые, измазанные физиономии.

— Бать? — тихо спросил я.

Он молчал еще секунд десять. Потом медленно качнул головой и убрал руки в карманы.

— Давление масла какое?

— Сейчас гляну... Два с половиной на холостых!

— Маловато. Подними до трех.

— Понял!

— И выхлоп этот... — он поморщился. — Глушитель нормальный поставь. Соседи по ГСК тебя прямо сейчас ненавидят.

— Поставлю, бать. Всё сделаю.

Он развернулся и пошел к выходу. Уже у двери остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Сделали, значит.

— Сделали.

— Ну, молодцы, — сказал он так тихо, что я едва расслышал сквозь рев мотора. И вышел в ночь.

Мы стояли у открытого капота и смотрели, как в темноте под капотом тускло поблескивают алюминиевые ребра оппозитника. Стоковая «девятка» умерла в эту ночь. На её костях родился «Цербер».

Глава V: Урок алюминия

Наш первый выезд на «Цербере» был похож на запуск самодельной ракеты. В салоне стоял дикий, ни с чем не сравнимый запах: горелая изоленга, свежая краска на подрамнике, мазут и разогретый антифриз. Машина вибрировала всем кузовом так, что старый пластик высокой панели дребезжал на одной зловещей ноте.

— Слышишь? — Слава приложил ладонь к панели, пытаясь унять дребезг. — Это бардачок поет. Надо будет проклясть виброй, а то на холостых уже симфония, а что на верхах будет — даже думать страшно.

— Ничего, — отмахнулся я. — Лишь бы мотор пел. А бардачок... подпоет.

Мы шли по ночному проспекту, стараясь не привлекать внимания редких патрулей, но скрывать это чудовище под капотом было невозможно. На каждом сбросе газа кастомный блоу-

офф издавал такой яростный, шипящий выдох, что прохожие на тротуарах испуганно оборачивались. Я едва касался педали, но девятка рвалась вперед, как сорвавшийся с цепи пес. Фирменное субаровское «бу-бу-бу» отражалось от стен хрущевок, заполняя пустынные улицы тяжелым бас-баритоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.